

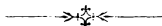
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

—
ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1909.

(съ приложеніемъ одной таблицы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1910.

Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племень.

(Посвящается В. В. Радлову).

Писецъ-художникъ, изсѣкшій на каменныхъ плитахъ надгробныя надписи Кюль-тегина и Бильге-кагана, царевичъ Йольгъ-тегинъ, въ концѣ первой надписи обезсмертилъ свое имя слѣдующими словами:

«бунча бітіг бітігімә Кул-тегін атысы Жольгъ-тегін бітідім. Жігірмі кун олурып бу ташка бу тамка коп Жольгъ-тегін бітідім».

Всякій, чей слухъ усвоилъ себѣ, хоть безсознательно, складъ турецкой пѣсенной рѣчи, легко уловить во второмъ изъ этихъ двухъ предложеній знакомый ритмъ или, пожалуй, два ритма, которые впрочемъ нерѣдко чередуются безо всякаго порядка:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘	˘ ˘ ˘ ˘
жігірмі кун	олурып
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
бу ташка	бу тамка коп
˘ ˘ ˘ ˘ ˘	˘ ˘ ˘
Жольгъ-тегін	бітідім,

съ подчиненіемъ ударенія послѣднихъ слоговъ въ словахъ жігірмі и тамка ударенію слѣдующихъ за ними односложныхъ кун и коп, что мы увидимъ и въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ того-же стиха, приводимыхъ ниже. Такъ какъ употребленные въ этомъ примѣрѣ и въ слѣдующихъ просодические знаки краткости и долготы имѣютъ здѣсь музыкально-ритмическое значеніе нотныхъ ♪ и ♫, эти стихи относятся къ размѣру $\frac{2}{4}$, разложенныхъ по большей части на осьмыя и распределенныхъ такимъ образомъ, что каждый стихъ (или, по арабской терминологіи, місра¹ — полуступише, а по музыкальной — предложеніе) начинается съ безударнаго приступа (ἀνάφροσις, Luftakt) въ три или два слога (ноги). Само собою разумѣется, что вмѣсто знака долготы ($\frac{1}{4}$) почти вездѣ можно поставить знакъ краткости со знакомъ равнаго ей молчанія, напр. ˘ (˘), т. е. $\frac{1}{8}$ съ такой-же паузой. Последнимъ изъ разобранныхъ стиховъ Йольгъ-тегина оканчивается и первая

часть его заключенія, а потому и въ ней можно предположить стихотворную форму. И мы ее найдемъ, если допустимъ въ его стихахъ весьма употребительное у Турокъ ускореніе выговора трехъ слоговъ до длительности двухъ, т. е. тріоль, и воспользуемся собственнымъ обозначеніемъ автора въ концѣ надписи на памятникѣ Бильге-кагана — *Јольѳ-тегін мән* = я, й.—т.:

$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{бунча} & \text{бітіг} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{бітігімә} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{(мән) Күл-тегін} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup \\ \text{атысы} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{Јольѳ-тегін} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{бітідім.} \end{matrix}$

Не случайны, можетъ быть, и тѣ два стиха, которые слышатся при чтеніи 22-ой строки на восточной сторонѣ памятника Кюль-тегина:

$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{özä} & \text{täңri} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{басмасар,} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{асра} & \text{jer} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{tälinmäsar} \end{matrix}$

—«если небо не сокрушило, если земля не разверзлась», что напрашивается на поэтическую форму.

Такихъ стиховъ — то ямбическаго склада со стяженіемъ внутри, то троихаческаго, состоящихъ изъ законнаго числа слоговъ (7) или какъ-бы удлинненныхъ тріолями—можно найти безконечное множество почти у всѣхъ турецкихъ племенъ, и потому само-собою разумѣется, что такой знатокъ турецкой народной словесности, каковъ В. В. Радловъ, не только обратилъ вниманіе на этотъ размѣръ, а и неоднократно описывалъ его въ своихъ трудахъ, начиная съ очерка турецкаго народнаго стихосложенія въ IV томѣ извѣстнаго журнала *Zeitschrift für Völkerpsychologie*. Трудно прибавить въ фактическомъ отношеніи что-нибудь существенное къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даетъ этотъ ученый особенно въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ томамъ своихъ «Образцевъ литературы тюркскихъ племенъ», и цѣль настоящей статьи сводится преимущественно къ дополненію его изслѣдованій со стороны ритмической и отчасти исторической.

И такъ, не выходя пока изъ области древнѣйшей поэзіи восточно-турецкихъ племенъ, отмѣтимъ тотъ, кажется, еще не завесенный въ науку фактъ, что *чагатайскій*¹⁾ поэтъ XII в., Есеви, еще не покушавшійся на сложеніе будто-бы количественныхъ стиховъ по персидскимъ образцамъ, при-

1) Этотъ терминъ употребленъ здѣсь не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему вполнѣ правильно А. Н. Самойловичъ въ своей статьѣ «Матеріалы по среднеазиатско-турецкой литературѣ» (Записки Вост. отд. И. Р. Арх. Общ. XIX, 1), а для обозначенія старой среднеазиатско-турецкой письменности вообще въ отличіе отъ уйгурской.

бѣгалъ иногда, именно въ концѣ своего дивана, начиная съ хикмат 97, къ 7-сложному стиху въ правильной ямбическо-трохейческой формѣ, соединяя, но не сливая, по два такихъ стиха въ одинъ 14-сложный. Вотъ первая строфа этого стихотворенія:

хош ъаѣубдын | ѣгүшти || ѣхшы сөзүм; | тәбәррүк!
 'ашык болсаң, | еѣ тәлыб, || рѣѣдәтдә | белің бок!
 тун, кечәләр | ухламаѣ || ѣаш орныѣа | каның төк!
 арслан бабам | сөзләрин || іштіңіз! | тәбәррүк!

Но у того-же Есеви есть 7-сложный стихъ и въ смѣшанномъ видѣ— то съ ямбическо-трохейскимъ движеніемъ, то съ трохейскимъ безъ соблюденія цезуры. Такова его 8-ая хикмат:

бі шәк білің: | бу дунѣ || барча халкдын | өтәр-а;
 ынан-ма-гил | мәлыңа: || бір күн колдын | кетәр-а.
 ата, ана, | карындаш || каѣан кетті? | фѣкір кыл.
 төрт аѣаѣлыѣ | чүбін ат || бір күн саңа | ѣетәр-а.
 дунѣ үчүн | ѣам ѣе-мә, || ҳакдын бзгәні де-мә,
 кіші мәлыны ѣе-мә: || сырат өзрә | тутар-а.
 ähl-i-'äjal, | карындаш, || неч-кім бол-маѣ-дур ѣолдаш.
 мәрдәнә бол, | ѣарыб баш: || 'өмрің ѣел-дѣк | өтәр-а.
 кул хоң(а) Ахмәд, | тә'ат кыл: || 'өмрің білмәм | пәчә ѣыл;
 аслың білсәң, | әб-і гүл || ѣәнә гүлгә | кетәр-а.

Народность этого стиха у Чагатайцевъ явствуетъ между прочимъ изъ употребленія его въ пословицахъ, напр.

куш чүѣмәгән куш чүсә,
 карѣа билә каз алур,

сохранившаяся у Абу-л-газы, впрочемъ съ измѣненіемъ формы «алур» въ «алдурур-мав» въ примѣненіи къ частному случаю. Возможно, что и уйгурскія пословицы такого склада скрываются напр. у Рабгузи.

Потомки восточныхъ Турокъ, перемѣшавшіеся съ сѣверными родичами, плохо намъ извѣстны со стороны своего словеснаго творчества.

Сравнительно хорошо мы осведомлены о народной литературѣ Таранчей, которой посвященъ VI томъ «Образцевъ» В. В. Радлова. Тамъ на стр. 168 въ сказкѣ Шім Тѣмүр Батур встрѣчается пѣсня

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ у́лук су́ба	˘ ˘ ˘ ˘ сáн барма́н!
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ беті́зіні	˘ ˘ ˘ тарі́маң

и т. д. По видимому, къ тому-же стиху, но въ трохаянческой формѣ, восходитъ размѣръ рямованной пословицы (тámsil) 7 (стр. 1):

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ а́ркікнѣ́ жамені́ сáнцік,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ і́твнѣ́ жамені́ канці́к,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ атнѣ́ жамені́ тáпкáк,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ хотуннѣ́ жамені́ бáргáк.

Таковъ ритмъ разговорный; но если-бы Таранчѣ вздумалось пропѣть эту пословицу, онъ, вѣроятно, приравнял-бы всѣ ея стопы къ трохеямъ, кое-гдѣ съ тріолями, и при томъ съ нисходящимъ порядкомъ удареній, какъ напр. въ слѣдующемъ кумыцкомъ четверостишіи, почти силошъ syllабическомъ, гдѣ также не соблюдена обязательная въ такихъ 7-сложныхъ стихахъ цезура послѣ 3-го слога:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ Мен-не сен-не бір і́дік ¹ ,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ Бау́ба бі́ткен гу́л і́дік ¹ ;
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ша́јтан ара́ба кі́рді;
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ бі́з була́ј ту́гул і́дік ¹ .

Распространенность этого стиха у сѣверныхъ Турокъ видна изъ слѣдующихъ, сравнительно очень немногихъ примѣровъ.

Алтайская пословица (В. Радловъ, Образцы литературы тюркскихъ племенъ т. I, № 79):

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ кума́зы жо́к	˘ ˘ ˘ ˘ су полбос,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ Куда́зы жо́к	˘ ˘ ˘ ˘ ái полбос,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ јака́зы жо́к	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ тон полбос,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ јака́ны жо́к	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ јурт полбос

(также №№ 16, 18, 21, 33, 44, 51, 75, 77, 79). Ср. по формѣ начало *ногайской пѣсни* изъ разряда тѣхъ, которыя слывуть у Кумыковъ подъ названіемъ казакъ *ыр*, т. е. не четверостишій (такмак), а болѣе длинныхъ стихотвореній дидактическаго или воинственнаго содержанія:

∪ ∪ ∪ ∪ шабыл болмај	∪ ∪ ∪ тап болмас,
∪ ∪ ∪ ∪ шацкак болмај	∪ ∪ ∪ буз болмас,
∪ ∪ ∪ ∪ шапмај жүрүк	∪ ∪ ∪ синалмас,
∪ ∪ ∪ ∪ ∪ шабына јетмеј	∪ ∪ ∪ ат болмас.

Алтайская повѣствовательная пѣсня Каңза ПІ (тамъ-же стр. 198):

∪ ∪ ∪ ∪ ∪ Каңзаның миндән	∪ ∪ ∪ јәрән ат
∪ ∪ ∪ ∪ Камыш тўда	∪ ∪ ∪ паш алды;
∪ ∪ ∪ ∪ Камыш тўдан	∪ ∪ ∪ чыкканда
∪ ∪ ∪ ∪ ∪ Казактың ады	∪ ∪ ∪ паш алды

и т. д. въ четверостишіяхъ съ такими-же вольностями относительно числа слоговъ; но *лирическая* № 16 (стр. 230) сложена безукоризненно:

∪ ∪ ∪ ∪ карылдының	∪ ∪ ∪ кырларын
∪ ∪ ∪ ∪ қаңај-была	∪ ∪ ∪ чығаин!
∪ ∪ ∪ ∪ қаңај-была	∪ ∪ ∪ мал тапсам,
∪ ∪ ∪ ∪ калың пајза	∪ ∪ ∪ садаим!

и т. д.

Алтайская загадка (стр. 239):

∪ ∪ ∪ ∪ пѣкѣ кајың	∪ ∪ ∪ кар јубас
-------------------------	----------------------

= іпактің мўзў.

Казакъ-киргизская пословица:

∪ ∪ ∪ ∪ цақсы атка	∪ ∪ ∪ бір камшы,
∪ ∪ ∪ ∪ аман атка	∪ ∪ ∪ миң камшы.

Казакъ-киргизскія лирическая пѣсня, сложенная въ арабско-персид-

скихъ пятистишныхъ строфахъ (мухаммас), но турецкими стихами (т. III, стр. 341):

$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{тўндў} \quad \text{цýлап,} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{мен} \quad \text{цўзўңгў} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{не} \quad \text{себáнтáн} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{менí} \quad \text{мундаj} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{акýлың} \quad \text{áйтсаң} \end{array}$	$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{кўндўз} \quad \text{зар} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{ынтýзар;} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{болдың} \quad \text{цар,} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{кызып} \quad \text{зар?} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{керáк-гí.} \end{array}$
---	---

и т. д. въ такихъ-же строфахъ и съ обычнымъ у Турокъ превращенiемъ энклитики (тí=дip) въ ударяемое слово, подчиняющее себя въ просодическомъ отношенiи предшествующее слово (керáк), какъ и въ слѣдующей строфѣ:

$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{бír} \quad \text{цýл} \quad \text{болды—} \end{array}$	$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{цáнар-мын} \end{array}$
--	--

и т. д. Въ стихотворенiяхъ повѣствовательныхъ форма небрежнѣе, что зависить отчасти отъ самой ихъ длины, но основной ритмъ бываетъ обыкновенно выдержанъ, напр. въ *кара-киргизской пѣснi* о Йолой-ханѣ (т. V, стр. 369):

$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{Jолоjдўн} \quad \text{атасы} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{jорзолоп} \quad \text{jўргўн} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{Jолоj} \quad \text{кап} \quad \text{дегáн} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{jегáн} \quad \text{тамакка} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{ичáн} \quad \text{суфа} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{торолўп} \quad \text{чыкты} \end{array}$	$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{Ноjоj} \quad \text{екáн;} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{jаш} \quad \text{баласы} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{бала} \quad \text{екáн;} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{тоjбодў,} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{тоjбодў.} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{бу} \quad \text{Jолоj} \end{array}$
---	---

и т. д. Въ казакъ-киргизской сатирической пѣснi (т. III, стр. 1) обращаетъ на себя вниманiе правильная смѣна каждаго ямбическо-трохаическаго стиха нисходящимъ трохаическимъ:

$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{ўlцгўяў} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{«тал шыфа-ды»} \\ (\cup) \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{тал шыбык-таj} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{«сал шыфа-ды»} \end{array}$	$\begin{array}{c} \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{цафалаj} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{деп} \quad \text{едiм,} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{буралып} \\ \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \quad \cup \\ \text{деп} \quad \text{едiм,} \end{array}$
---	---

$\begin{matrix} \text{س} & \text{ك} & \text{ب} & \text{ع} \\ \text{соккан} & \text{беіт} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{س} & \text{ك} & \text{ب} & \text{ع} \\ \text{сыккылды}, \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{ع} & \text{ب} & \text{ك} & \text{س} \\ \text{«ўј шыға-ды»} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{ع} & \text{ب} & \text{ك} & \text{س} \\ \text{деп едім}, \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{س} & \text{ك} & \text{ب} & \text{ع} \\ \text{қырққан} & \text{серкә} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{س} & \text{ك} & \text{ب} & \text{ع} \\ \text{буттавып} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{ع} & \text{ب} & \text{ك} & \text{س} \\ \text{«біј шыға-ды»} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{ع} & \text{ب} & \text{ك} & \text{س} \\ \text{деп едім}, \end{matrix}$

гдѣ впрочемъ относительно ритма третьяго стиха можно сомнѣваться.

У *Барабинцевъ*, судя по матеріаламъ, собраннымъ В. В. Радловымъ, этотъ размѣръ встрѣчается рѣже, и при томъ съ такими вольностями, какія, можетъ быть, указываютъ на его разложение. Вотъ примѣръ изъ сказки объ извѣстномъ и Киргизамъ богатырѣ Козы-көрпөцъ (Козы-көрпәч), прозаической, но пересыпанной стихами (т. IV, стр. 14):

$\begin{matrix} \text{с} & \text{к} & \text{а} & \text{к} & \text{ы} & \text{д} & \text{а} & \text{ш} & \text{к} & \text{а} & \text{н} \\ \text{какыдашкан} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{к} & \text{ө} & \text{п} & \text{к} & \text{а} & \text{р} & \text{ж} & \text{а} \\ \text{көп каржа} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{с} & \text{к} & \text{а} & \text{р} & \text{ы} & \text{м} & \text{н} & \text{ы} & \text{ң} & \text{м} & \text{а} & \text{ж} & \text{ы} & \text{н} \\ \text{карымның мажын} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{с} & \text{а} & \text{л} & \text{д} & \text{а} & \text{з} & \text{ы} & \text{н} \\ \text{салдазын!} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{ä} & \text{р} & \text{т} & \text{ä} & \text{к} & \text{а} & \text{л} & \text{ж} & \text{а} & \text{н} \\ \text{äртä калжан} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{м} & \text{и} & \text{н} & \text{ң} & \text{ä} & \text{р} & \text{к} & \text{о} & \text{з} & \text{ы} & \text{м} \\ \text{минң äр Козым} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{и} & \text{н} & \text{д} & \text{і} & \text{п} & \text{і} & \text{р} & \text{і} & \text{с} & \text{к} & \text{ä} \\ \text{индi пiр iскä} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{т} & \text{ү} & \text{ж} & \text{ү} & \text{р} & \text{ө} & \text{б} & \text{,} & \text{к} & \text{ä} & \text{ү} & \text{р} & \text{?} \\ \text{түжүрөб, кäүр?} \end{matrix}$

За то у *Таринцевъ*, *Тоболцевъ*, *Тюменцевъ* легко найти въ томъ-же IV томѣ образцевые примѣры, подобные слѣдующему:

$\begin{matrix} \text{ä} & \text{w} & \text{ä} & \text{l} & \text{b} & \text{ä} & \text{s} & \text{h} & \text{ä} & \text{n} \\ \text{äwäl} & \text{bäshläp} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{н} & \text{і} & \text{б} & \text{і} & \text{т} & \text{т} & \text{і} & \text{?} \\ \text{нi бiттi?} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{к} & \text{ү} & \text{н} & \text{б} & \text{і} & \text{т} & \text{т} & \text{ä} & \text{ä} \\ \text{күн} & \text{біттi дәä} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{ä} & \text{j} & \text{б} & \text{і} & \text{т} & \text{т} & \text{ü} \\ \text{äj} & \text{біттi} \end{matrix}$

и пр. Встрѣчается и отмѣченный выше чистый трохаяческій ритмъ въ свободномъ чередованіи съ ямбическо-трохаяческимъ, примыкающій къ восходящимъ трохеямъ при посредствѣ соотвѣственной паузы, какъ въ *ишимской* повѣствовательной пѣснѣ (стр. 189):

$\begin{matrix} \text{к} & \text{ы} & \text{р} & \text{а} & \text{м} & \text{ш} & \text{а} \\ \text{Кырамша} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{б} & \text{і} & \text{р} & \text{к} \text{ү} \text{l} & \text{i} \text{d} \text{i}, \\ \text{бір күл іді}, \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{с} & \text{ä} & \text{j} & \text{r} & \text{ä} & \text{s} & \text{a} \\ \text{säjräsä}, \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{б} \text{ü} \text{l} & \text{b} \text{ü} \text{l} & \text{i} \text{d} \text{i}. \\ \text{bülbül iđi.} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{к} & \text{ы} & \text{р} & \text{а} & \text{м} & \text{ш} & \text{а} & \text{n} \text{i} \\ \text{Кырамшанı} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{ü} \text{l} & \text{i} & \text{r} & \text{i} & \text{r} & \text{ä} & \text{n} \\ \text{ülirgän} \end{matrix}$
$\begin{matrix} \text{б} & \text{і} & \text{т} & \text{ä} & \text{k} & \text{ä} & \text{p} & \text{ä} \\ \text{Bitnak Şarap} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{к} \text{ү} \text{l} & \text{i} \text{d} \text{i} \\ \text{кул іді} \end{matrix}$

и т. д. Даже въ прозаической сказкѣ «Алжасаръ» (стр. 188—189) попадаются отдѣльныя предложенія такого склада, какъ

а́нны со́лып	а́лдылар,
а́вгъа а́лып	ба́рдылар

и т. п.

У ближайшихъ по языку къ при-иртышскимъ Татарамъ *Казанцевъ* и *Мещеряковъ* тотъ-же стихъ очень употребителенъ въ пѣсняхъ, иногда не безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ нормальной схемы, напр.

бы́ыл кіскән	бу́ранам
ја́рар-м-ікән	матча́ра?
бі́здән салам	сі́з а́јтгі́з
бі́ргә у́скән	картла́рға,

гдѣ для полной правильности стоить лишь выкинуть несущественное сіз. Съ трохаическими стихами:

ікі Татар	кілә-дір,
ка́јынсарға	жіта́-дір:
«ка́јынсарның	какысын
бі́з аша́р-быз	тата́сын,
ја́т аулың	кызла́рын
бі́з алы́р-быз	ја́кшысын»,

если только формы аша́р-быз и алы́р-быз поются здѣсь не съ удареніемъ на энклитикѣ, какъ кілә́-дір и жіта́-дір.

Оттуда у Чувашей, по большей части вполне правильно, какъ видно напр. изъ слѣдующей рекрутской пѣсни, обнаруженной, какъ и приведенная казанскія, Золотницкимъ:

(в) Хвѣ́л-ві́тра	хі́рь корна́ть,
а́бѣ́рь іла́с	ху́рь сѣва;
су́лды́р-ві́тра	сѣол корна́ть,
а́бѣ́рь ка́яс	сѣол сѣва;
о́јых-ві́тра	о́ј корна́ть,
а́бѣ́рь ву́рзы́с	о́ј сѣва.

Въ прозячскомъ наговорѣ отъ головной боли:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ылдым карда	˘ ˘ ˘ ˘ ыжыньчӓ,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ылдым жоба	˘ ˘ ˘ ˘ туррыньчӓ.

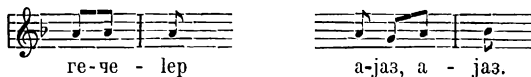
Чуваши, при всѣхъ своихъ отличіяхъ отъ прочихъ Турокъ, по звукамъ и формамъ своего языка подходятъ ближе къ сѣверной вѣтви турецкаго племени. Чтобы закончить обзоръ употребленія 7-сложнаго стиха у народовъ этой вѣтви, остается еще разсмотрѣть этотъ стихъ въ народной поэзіи Турокъ сѣвернаго Кавказа — Ногайцевъ (живущихъ отчасти и въ Крыму), Кумыковъ и Карачаевцевъ, изъ которыхъ послѣдніе подверглись довольно значительному черкесскому вліянію, однако сохранили немало и турецкой старины. Между этими Турками 7-сложный стихъ въ рیمованныхъ четверостишіяхъ (такмак) и въ болѣе или менѣе длинныхъ пѣсняхъ (жыр) съ рیمомъ или безъ рѣшительно преобладаетъ надъ другими размѣрами, впрочемъ весьма немногочисленными. Одинъ ногайскій примѣръ былъ уже приведенъ выше ради сравненія съ алтайскимъ, несомнѣнно родственнымъ ему по фактурѣ. Вотъ кумыцкій такмакъ изъ ямбическо-трохайческихъ стиховъ:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ бір апасы	˘ ˘ ˘ ˘ менікі,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ікі шајі	˘ ˘ ˘ ˘ севікі;
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ малыы малға	˘ ˘ ˘ ˘ кошајбік,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ адамлаға	˘ ˘ ˘ ˘ ошајбік.

То-же съ удареніемъ на энклитикѣ, которое слышится только въ пѣніи:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ кокте јулдуз	˘ ˘ ˘ ˘ нече-дїр?
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ сенсіз гунум	˘ ˘ ˘ ˘ гече-дїр;
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ сені хумар	˘ ˘ ˘ ˘ гозлеріц
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ мені каным	˘ ˘ ˘ ˘ іче-дїр.

То-же съ правильнымъ чередованіемъ стиховъ трохайческихъ и ямбическо-трохайческихъ приблизительно по такому напѣву:

ha-ke-lіц - ге	ме-нї јаз.
ух-ла - јїм	ку-ча-џыц - на,
у-ја-на - јїм	да-џы јаз.

Впрочемъ нельзя поручиться за то, что иной пѣвецъ не подгонитъ и этотъ такмакъ подъ одну мѣрку съ тѣмъ, который приведенъ выше въ параллель къ таранчинской пословицѣ. Такая ритмизація, т. е. не по восходящимъ, а по нисходящимъ трохаическимъ диподіямъ, какъ въ полькѣ, при чемъ иногда, какъ у Есеви, нарушается цезура, часто слышится тамъ, гдѣ оба склада 7-сложнаго стиха чередуются безо всякаго порядка, да еще при нѣкоторой натяжкѣ въ удареніяхъ, особенно если первый стихъ сложенъ трохаически, напр.

(улан:)

ај-мы-сан, јулдуз-мы-сан?
 катын-мы-сан, кыз-мы-сан?
 түшејім-мі калкыдан?
 сен үјде јаңгыз-мы-сан?

(кыз:)

ај тугул-мен, јулдуз-ман,
 катын тугул-мен, кыз-ман.
 атылып түш калкыдан:
 мен үјде јап-јаңгыз-ман.

Трохаическій складъ 7-сложнаго стиха, но восходящій, слышится въ кумыцкой пословицѣ:

теңгір-ден јава буса,

 теректен ікі јава.

У южнѣе Турокъ, не смотря на персидское вліяніе, которое въ большей или меньшей степени охватило ихъ всѣхъ, древній 7-сложный стихъ сохранилъ свою популярность до нашихъ дней. Въ османской народной поэзіи онъ утвердился за мѣні, соответствующимъ сѣверно-кавказскому такмакъ, напр. (т. VIII, стр. 458):

Гѣкте јылдыз	бѣн тѣне.
eimas iſter	гердене.
benim gibi	кул герек
seni gibi	султана ¹⁾

или въ трохаяческомъ складѣ (стр. 438):

ај до'ар	ајан ајан.
јолуна	дѣштѣм јајан.
дѣшѣмде	гѣрмез икен
којнуна	гѣрдѣм ујан.

То-же силлабически, безъ цезуры и, вѣроятно, съ нисходящими дидоіями, — конечно, при пѣіи, хотя приводимый ниже примѣръ взятъ не изъ мѣні, а изъ пѣіи въ сказкѣ (стр. 284):

Аli gѣzѣ, kыз gѣzѣ
 јакты, јандырды бизі.
 парма'ы јѣзѣк јері,
 коду билезік јері.

Тотъ-же размѣръ въ обоихъ видахъ нечуждѣ и другимъ произведеіямъ народной словесности Османцевъ, напр. въ пословицѣ, очевидно, старой

ok јарасы	оңылыр,
dil јарасы	оңылмаз,

которая употребительна и въ Азербайджанѣ съ замѣной устарѣлаго глагола болѣе понятнымъ — сађылар и сађылмаз; въ загадкѣ (= лимонъ)

бир кѣчѣѣѣк	фычычык,
içinde	бир туршуѣк

и т. п.

И у Гагаузовъ есть мѣні по османскому образцу, иногда безукоризненно правильныя, напр. (т. X, стр. 324):

¹⁾ Вѣроятно, изъ Малой Азіи, и при томъ изъ такой мѣстности, гдѣ е звучитъ въ самомъ дѣлѣ какъ *ѣ*, по-азербайджански, близко къ русскому *а* въ словѣ *часть*, и потому вторгается даже въ такія формы, какъ дат. п. отъ *султан*. Вмѣсто *истер* не читать-ли *астыр* «шовѣсь»?

чѣбук узуп,	тўтўн аз.
жетәр жетін	бана наз.
il бір өлпүк,	jөпеjim;
сана жетсін	бўтўн жаз.

Тотъ-же стихъ въ загадкѣ (73 = печь — стр. 271):

чорт отуру	чорт гiби,
āзы кара	курт гiби.

Крымскіе Турки или, какъ обыкновенно говорится, Татары въ своемъ народномъ творчествѣ, чѣмъ ближе къ Черному морю, тѣмъ ближе и къ Османцамъ. Караимы держатся старыхъ турецкихъ образцевъ чуть-ли не еще крѣпче, нежели мусульмане, болѣе доступные вліянію Турціи съ ея персидскими модами. Вотъ напр. караимская загадка (48 = яблоко — т. VII, стр. 375):

jешil japрак	салланыр,
салландыкча	алланыр,
кызармыш,	ал ал олмуш,
пўмle оңа	хошланыр.

Караимская пословица (194 — стр. 397):

земанешің	азғыны:
карҗа бiнер	кузҗуну,

съ которой стóятъ сравнять пословицу сартскую

замананның	азҗапы:
āшāк аттан	озҗаны.

Любопытно уже видѣнное нами у Киргизовъ послѣдовательное чередованіе двухъ ритмически противоположныхъ формъ того-же стиха въ пѣснѣ (тўркў), вставленной въ сказку (стр. 344):

бір дiректе	екi нар;
гiрмедің-мi	сен, бабам?
аһты імап	ідiшiп
дурмадың-мы	сен, бабам?

и т. д. съ рямой черезъ стихъ. Но чаще въ четверостишіи рямуются по три стиха — первый со вторымъ и съ третьимъ, какъ на стр. 329, 330, 333, 334 и др.

Сборники пѣсень *азербайджанскихъ* (изъ Закавказья) не даютъ почти никакихъ образчиковъ 7-сложнаго стиха, что и понятно при господствѣ тамъ пѣсень персидскаго склада или близкаго къ персидскому. Но чисто турецкая форма пѣсень встрѣчается и тамъ и еще чаще встрѣчалась прежде. Одну такую плясовую пѣсню:

$\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{p} & \text{a} & \text{n} & \text{c} \end{array}$
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{g} & \text{u} & \text{n} & \text{d} \end{array}$
 пāncārimā gūn dūštī

упоминаетъ, но, къ сожалѣнію, только упоминаетъ, Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ повѣсти «Мулла-Нуръ», какъ общезвѣстную въ его время. Въ Тебризѣ и теперь поютъ напр.

$\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{k} & \text{a} & \text{l} & \text{j} \end{array}$
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{d} & \text{o} & \text{l} & \text{d} \end{array}$
 kaljanun bājah cāktīm,
 долдурдум, бājah cāktīm.
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{j} & \text{a} & \text{r} & \text{i} \end{array}$
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{b} & \text{i} & \text{v} & \text{a} \end{array}$
 jārī bī-vāfa gōrdūm,
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{j} & \text{o} & \text{l} & \text{u} \end{array}$
 jolunnān ājah cāktīm.

Во всякомъ случаѣ за популярность 7-сложнаго стиха между Турками, говорящими на языкѣ азарі, по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, ручается широкое распространеніе этого размѣра въ пословицахъ, отчасти общихъ съ Османцами, какъ приведенная выше или какъ очень употребительная:

$\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{i} & \text{k} & \text{i} & \text{e} \end{array}$
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{s} & \text{i} & \text{s} & \text{i} \end{array}$
 ikī eššāk — bīr karvan,
 $\begin{array}{cccc} \cup & \cup & \cup & \cup \\ \text{i} & \text{k} & \text{i} & \text{a} \end{array}$
 ikī arvat — bīr dīvan.

О *туркменскихъ* пѣсняхъ, какъ это ни досадно и какъ ни стыдно, мы, кажется, ничего не знаемъ, если не считать тѣхъ османскихъ пѣсень, которыя слывутъ за туркменскія, вѣроятно, по мѣсту ихъ происхожденія, но не могутъ считаться такими по языку. Эти пѣсни сложены другими размѣрами, по большей части спеціально османскими. Но между ними нѣтъ плясовыхъ; а въ такихъ-то и можно ожидать 7-сложнаго стиха¹⁾.

1) Такой отзывъ о нашихъ свѣдѣніяхъ въ области туркменской народной словесности долженъ показаться незаслуженно строгимъ въ виду заявленій А. Н. Самойловича о бѣдности Туркменъ по части чисто-народной пѣсни и объ ихъ равнодушіи къ пляскѣ (см. его статью, упомянутую выше, и его «Туркменскія развлеченія» въ Ежегодникѣ Спб. Антропологическаго Общества, примѣч. 7); но его свидѣтельства, какъ и показанія другихъ путешественниковъ по туркменской степи, касаются, по видимому, однихъ мужчинъ, а вся бытовая сторона жизни гораздо дольше и лучше сохраняется у женщинъ.

По видимому, совсѣмъ неизвѣстенъ 7-сложный стихъ у Абаканцевъ, Карагасовъ и вообще у этой сѣверо-восточной группы турецкихъ племенъ, перемѣшанныхъ отчасти съ Самоѣдами, отчасти съ Монголами и представляющей въ своихъ нарѣчіяхъ какъ-бы сліяніе чертъ восточно-турецкихъ съ алтайскими. Впрочемъ отсутствіе этого размѣра или только случайное его появленіе между инородными стихами происходитъ, можетъ быть, отъ характера немногихъ записанныхъ тамъ пѣсень, почти исключительно повѣствовательныхъ, напоминающихъ своимъ складомъ малорусскія «думь», подобно такимъ-же пѣснямъ и на Алтаѣ. Какъ-бы то ни было, 7-сложный стихъ, и при томъ преимущественно въ формѣ ямбическо-трохаической, okazывается несомнѣнно достояніемъ еще пра-турецкаго племени.

Къ той-же эпохѣ можетъ относиться и превращеніе 7-сложнаго стиха въ 11-сложный посредствомъ повторенія его ямбической части въ началѣ или въ концѣ. Первый видъ очень употребителенъ на *сверномъ Кавказѣ*, гдѣ служатъ обычною формой болѣе или менѣе длинныхъ пѣсень лирическаго и дидактическаго содержанія (жыр по преимуществу) и нерѣдко встрѣчается въ заплачкахъ (јас = арабск. ја'с отчаяніе). Вотъ типическій образчикъ *музыкальной* пѣсни этого склада съ напѣвомъ, изъ котораго ясно виденъ основной ритмъ такого стиха:

		
äw - рү і - дің	сен, јах-ші кыз,	не-че - ді?
јыл - кы-лар - да	гуз от-ла - бан	тај-да бар,
ај - ла-не - дің	ај - дај бо - луп	аз-бар - дан.
		
јыл - кы-лар - да	гуз от-ла - бан	тај јі - мік ¹ .
сен - неј бол - бан	гу-zel äw - рү	кај-да бар?
äw - рү і - дің,	а - ул то - луп	кыз-лар-дан

и т. д. Тотъ-же размѣръ довольно обыченъ и въ *османскихъ* народныхъ и и полу-народныхъ стихахъ и пѣняхъ, напр. въ крымской сказкѣ объ Ашякъ-Гарибѣ, изобилующей стихами (т. VII, стр. 257):

Кара гбзілүм,	беп бу јерден	гидерсем,
ејі гечін	ешиң достуң	јареңлән ¹)

и т. д. Другой вопросъ, какъ-бы ритмизировалъ эту пѣсню профессіо-

1) јарың-лән?

нальный пѣвецъ: вѣрно замѣтилъ Фабо (В. Fabó въ Keleti szemle VII, 1 стр. 122), что въ османскихъ пѣсняхъ напѣвъ иногда совсѣмъ не соотвѣтствуетъ стихотворному размѣру. Это зависитъ отъ переноса напѣвовъ, отчасти персидскихъ, съ одной пѣсни на другую, да еще съ музыкальнымъ вычурами и съ прибавками нейдущихъ къ дѣлу словъ, что, конечно, способствуетъ не только порчѣ стиховъ, а и приглушенію ритмическаго чутья пѣвцовъ и самихъ слагателей пѣсень. Наиболье устойчивъ бываетъ этотъ размѣръ у Османцевъ тогда, когда трохаяческій конецъ стиха, вѣроятно, по музыкальнымъ условіямъ, кажется не частью того-же стиха, а какъ-бы припѣвомъ, напр. (т. VIII, стр. 535):

◡ ◡ ◡ ◡ ◡	◡ ◡ ◡ ◡ ◡	◡ ◡ ◡ ◡ ◡
акшам олур,	таук чыкар	тарлара,
ашык олур	машукуна	јалвара:
«он беш алтын	вердім џанфес	шалвара,

— пѣсня, извѣстная и въ Азербайджанѣ. Иногда трохаяческая часть и въ самомъ дѣлѣ замѣняется безсмысленнымъ припѣвомъ того-же склада, напр. (стр. 536):

◡ ◡ ◡ ◡ ◡	◡ ◡ ◡ ◡ ◡	◡ ◡ ◡ ◡ ◡
арпа ектім,	дары чыкты —	шынавај,
бір кыз алдым,	кары чыкты —	шынапај

и т. д. ¹⁾.

Чуть-ли не еще употребительнѣе другой видъ 11-сложнаго стиха — съ трохаяческой частью въ серединѣ. Такой ритмъ слышится иногда въ четверостишіи *средне-азиатскаго* происхожденія, тујуџ, напр. у сивасскаго Османца XIV в., Ахмеда Бурхан-эд-дина (тујуџ 2 по изданію Меліоранскаго въ «Восточныхъ замѣткахъ» стр. 142):

◡ ◡ ◡ ◡ ◡	◡ ◡ ◡ ◡ ◡	◡ ◡ ◡ ◡ ◡
џака шүкүр,	кочларуџ	дәврәни-дүр;
џүмлә 'äläm	бу дәмүџ	хејрәни-дүр;
гүн батардан	гүн тоџан	жерә дәгін
'ышк әринүџ	бір нәфәс	сејрәни-дүр

съ удареніемъ на энклитикѣ, примѣры чего мы видѣли выше. Подобно

1) Можетъ быть, «шын — анај», такъ какъ есть припѣвъ анај, ај нанај, ананај; ср. кумыцкій такмак о припѣвахъ у .Лезгинъ, у Чеченцевъ и у Кумыковъ:

ТавлӀлар «талај-тулај»,
 МычӀрӀшлар «Шалај»,
 КумӀкаӀ баш сарыӀна
 «анај» десем, «ај-ванај».

Баш сарыӀн — первая пѣсня въ собраніи аульной молодежи (џӀм).

а иногда захватывает и два начальных слога до полного их устранения, какъ:

٢ ٠ ١ ٢ ٠ ١ ٢
Тѣща къ обѣднѣ спѣшить

въ старой пѣснѣ

١ ٢ ٠ ١ ٢ ٠ ١ ٢
У Спаса къ обѣднѣ звонять

и пр. Подлинный ритмъ 11-сложнаго стиха съ ямбами въ началѣ и въ концѣ и съ трохаяческой частью въ серединѣ виденъ напр. изъ слѣдующей *киргизской* пѣсни, которая поется приблизительно такъ:

и т. д. То-же въ киргизской свадебной пѣснѣ, но въ первыхъ двухъ стихахъ — съ удареніемъ на энклитикѣ, какъ видно изъ сравненія съ послѣдующими стихами (т. III, стр. 12):

٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢
кара суду	цаѣалај	каз бара-дѣ;
анасынан	аірылып	кыз бара-дѣ.
кара суѣа	кан кујсаң,	аѣар кетѣр,
цаг кісігѣ	кыз берсаң,	алар кетѣр.

Въ другой такой-же пѣснѣ то-же съ приѣвомъ послѣ каждаго стиха (стр. 7):

٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢	١ ٢
бір толарсак,	бір тобук	санда болар	— цар цар!
кырк кісінің	акылы	канда болар	— цар цар!

и т. д. Тотъ и другой видъ 11-сложнаго стиха безо всякаго порядка и съ нѣкоторыми натяжками относительно ударенія является въ слѣдующемъ *азербайджанскомъ* (закавказскомъ) стихотвореніи:

٠ ٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢
аврѣт еді	шур Адѣмиң	бѣхтіні,
٠ ٠ ١ ٢ ٠	٠ ١ ٢	٠ ١ ٢
аврѣт алдырды	Сулѣјман	тѣхтіні,
٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢
аврѣт іді	Дауды	налан едѣн,
٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢
аврѣт іді	Јусуфі	хѣпсѣ салаң.
٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢
ітѣ једір,	аврѣтѣ	једір-мѣ нан:
٠ ٠ ١ ٢	٠ ١ ٢	٠ ٠ ١ ٢
іт білур нан	вѣ вѣмак,	білмѣз зѣнан.

Но нельзя отрицать, что тѣ-же слова могутъ быть прочтены или про-
шты по другому ритму, а именно:

ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
аврѣт етді шур	Адәмнѣ бѣхтнн,
ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
аврѣт алдырды	Сулѣрман тѣхтнн,
ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
аврѣт іді	Дауды палан едѣн

и т. д. Таковъ обыкновенный ритмъ 11-сложнаго стиха въ *османскихъ* и въ *азербайджанскихъ* пѣсняхъ, напр. (по надежной записи Вл. А. Горд-
левскаго въ его изслѣдованіи «Изъ наблюденій надъ турецкой пѣснью»—
«Этнограф. Обзор.» кн. 79, стр. 46 отд. отт.):

ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
jüçe dâ bашында	janar bîr ішік,
ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
işik dejiñ,	onu jakan bîr ашк.
ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
gelin, sacin sarы,	zül'ün dolашık,
а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з
долаш-та gel	derjalары, sevдijim!

Это уже силлабизмъ, построенный однако на болѣе или менѣе опредѣлен-
номъ ритмѣ. Но если извѣстный ритмъ выдерживается лишь въ общихъ
чертахъ, хотя составляетъ необходимое условіе даннаго стиха, точный
счетъ слоговъ становится лишнимъ стѣсненіемъ. И вотъ на ряду съ 11-
сложными стихами появляются 12-сложные, со вставкой слога именно
тамъ, гдѣ его недостаетъ для полного выраженія всѣхъ составныхъ частей
ритма слогами, напр. въ *таринской* пѣснѣ (т. IV, стр. 170):

ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
türt owrylar	jürütigâç	jалаңларда
ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
ikâ kara	kürdîlär	алар анда;
а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з
aça tamân	jürdîlär	türt owrylar:
а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з
«kim bulsa-da,	bizgâ olça	булар индî

и т. д. съ индî въ концѣ каждаго четверостишія. Таковъ-же складъ *ногай-
скихъ* историческихъ пѣсенъ, но съ большей свободой въ построеніи сти-
ховъ, напр. (по рукописи):

ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و	ا ب ت ث ج د ه ز ح ط ي ق ك ل م ن و
Дайыкның	арығы жағы	курбан деңиз.
а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з	а б т в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь я э ю з
dewleti	хан ұстүнде	турбан деңиз.

Аділ бірлән	Меңлә Гиреј	бај де-ме-ңиз,
бајлыктан	озуб кеткен	бір хан деңиз.
Аділ мынан	Меңлә Гиреј	ај шикелли;
ондан јахшы	төрә бар	кај шикелли?

и т. д.

И такъ, стоить только вставить одинъ слогъ, недостающій при обыкновенномъ ритмѣ 11-сложнаго стиха послѣ первого или второго тактоваго ударенія,—и получится ямбическій стихъ, говоря эмпирически, шестистопный или, выражаясь научно, трехстопный изъ восходящихъ дияподій. Однако этотъ размѣръ, попадающійся нерѣдко между 11-сложными стихами, не приобрѣлъ, по видимому, самостоятельнаго значенія. За то 8-сложный ямбическій стихъ, происшедшій такимъ-же образомъ изъ 7-сложнаго, занялъ въ народномъ турецкомъ стихосложеніи особое мѣсто, болѣе близкое къ 11-сложному стиху, чѣмъ къ 7-сложному, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ четверостишіяхъ онъ вообще не употребляется. У *сѣверныхъ Турокъ* онъ встрѣчается рѣдко и то какъ-бы случайно, при другихъ размѣрахъ, напр. въ *таринской* пѣснѣ (т. IV, стр. 265):

таң атарын	таук биләр,	
күн цыгарын	каўк биләр,	
алыс-билән	жоукны	јўрткан биләр,
ацы-билән	цўцўнў	таткан биләр,
илнўң	јакшыларын	јаткан биләр.

Да и то сомнительно, такъ какъ эта пѣсня допускаетъ и другую ритмизацию, почти тождественную съ русскимъ былиннымъ стихомъ ($\frac{4}{4}$):

2 0 0 0 0	2 1 2 0 0 (2) 1
2 0 0 0 0	2 1 2 0 0
0 0 0 1 2 0 0 0 0	2 1 2 0 0
0 0 0 1 2 0 0 0 0	2 1 2 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0 0	2 1 2 0 0 .

Безъ сомнѣнія, случайно является 4-стопный ямбъ въ *таринчинской* пѣснѣ (т. VI, стр. 201):

Хума хан		обдан бала		чечі аз ікән,
(2) Хума ханнїң		тәккән әрї		беш таз ікән

и пр. Но у *южныхъ Турокъ* этотъ размѣръ очень употребителенъ, напр. въ

извѣстной *османской* пѣснѣ, изображающей разговоръ влюбленной Турк-
менки съ княжескимъ сыномъ:

ب ت ا ب ج	ب ت ب ا ج
бен бабамын	евин ъыктым,
ب ت ا ب ج	ب ت ب ا ج
беш бин алтун	алуп чыктым,

хотя дальше идетъ менѣе правильнѣй стихъ

(ت) ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
дѳнѳ-те ардыма бактым

передъ ритмически-вѣрнымъ

(ج) ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
бин, гиделим, бејим-олан;

а еще ниже — чисто силлабическѣй

ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
сабахын сехер ъылдызы.

И вообще силлабическѣй, подобный романскому строй 8-сложнаго
стиха въ османской народной поэзіи встрѣчается очень часто, напр.

(ت) ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
Плевненін топлар атылды,
(ج) ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
Іслам Булѳара катылды.
(ت) ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
хабер олсун, султан Хамид:
Урум elleri сатылды.

Такъ-ли поется эта пѣсня въ дѣйствительности, вопросъ иной; но въ
естественности такого ритма для 8-сложныхъ стиховъ восходящаго строя
можно убѣдиться хотя-бы путемъ сравненія этой строфы съ Марсельезой,
особенно перваго стиха со стихомъ

ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
L'étendard sanglant est levé,

второго со стихомъ

ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
Mugir ces féroces soldats,

третьяго — со стихомъ

ب ت ا ب ج ت ب ا ب ج
Le jour de gloire est arrivé.

Въ пѣніи азербайджанскихъ ашиковъ сквозь персидскія фіоритурь—
чтобы не сказать: завыванья — по большей части ясно слышится ямбиче-

скій складъ 8-сложнаго стиха, напр. въ пѣснѣ, часто раздававшейся въ Закавказьѣ лѣтъ 50 тому назадъ:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ онун јолы	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ џејран олыр,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ оны гѣран	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ џејран олыр.

И такъ народные турецкіе стихи страдаютъ часто погрѣшностями противъ ритмической разстановки удареній и противъ законнаго числа сло- говъ, вполне понятными у поэтовъ и пѣвцовъ, не прошедшихъ никакой школы и воспроизводящихъ свои и чужія пѣсни только устно, а иногда импровизирующихъ свои произведенія. Къ этимъ естественнымъ, внутреннимъ причинамъ могутъ присоединяться внѣшнія въ видѣ чужихъ вліяній, навязывающихъ заносные напѣвы и съ ними инородные ритмы и особые приемы пѣнія. Вѣроятно, для того, чтобы подогнать родную пѣсню къ чужому напѣву, стихи распространяются посторонними прибавками. Если такія прибавки являются лишь послѣ стиха, бѣда отъ этого для первоначальнаго ритма не велика, какъ напр. когда Кумыки поютъ свои четверостишія такимъ образомъ, придавая имъ впрочемъ однообразное нисходящее трохай- ческое движеніе:

	
сүј-дүм се-ні, сүј-ме-ні —	Да-һі-рат.
	
сүј-дү-мүң бар - мы се-ні?	waj Нүр-һат.
	
Ал-лаһ-тан ја - зу бу-са,	куј-мур Марпа,
	
сүј-меј нѣ-тер - сен ме-ні?	äw-rü зат.

Но вставки въ серединѣ стиха неизбежно отражаются на его ритмѣ. Такъ напр. четверостишіе изъ обычныхъ 7-сложныхъ стиховъ, теперь, можетъ быть, уже не существующее въ этомъ видѣ,

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ алтуным јок,	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ күмүшүм јок;
не берәјин	мән саңа?
Аллаһ бергән	бір башым;
башырајын	мән саңа

٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت

Возвращаясь къ настоящему, данному строю этой пѣсни, съ прибавкой «палам», нельзя не замѣтить, что она уже вышла изъ области стараго предавія и приблизилась къ тому типу, который, безо всякой связи съ прежними образцами, появляется среди различныхъ турецкихъ племень, какъ видно напр. изъ слѣдующей *азербайджанской* пѣсни:

٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت

и т. д.

Говоря о большей или меньшей сохранности древнихъ турецкихъ стихотворныхъ размѣровъ, нельзя обойти молчаніемъ погрѣшности противъ ритма или счета слоговъ, зависящія не только отъ ошибокъ издателей въ видѣ пропуска или вставки слоговъ и словъ, но отъ чрезмѣрной послѣдовательности въ примѣненіи одного моднаго теперь ороографическаго приема— замѣны повторенныхъ гласныхъ простыми со знакомъ долготы. Такъ напр. безусловно правильные османскіе стихи

٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت

искажаются посредствомъ едва-ли и существующаго а ч і л м ā; вмѣсто 7-сложнаго стиха

٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت
٧ ٧ ا ب ت	٧ ٧ ا ب ت

у Семитовъ арабскіе размѣры перваго Халилева круга, по устраненіи обязательныхъ ирраціональныхъ долготъ, сводятся къ слѣдующимъ схемамъ:

tawil 0 | 2 0 0 | 2 2 0 0 | 2 2 2 2 ($\frac{3}{4} + \frac{3}{4}$),
 басыгъ 0 0 | 2 0 0 | 2 2 0 0 | 2 0 0 | 2 ($\frac{3}{4} + \frac{2}{4}$),
 мадідъ 0 0 | 2 2 0 0 | 2 0 0 | 2 2 ($\frac{3}{4} + \frac{2}{4}$),

гдѣ всѣ второстепенныя ударенія звучатъ такъ сильно, что носящіе ихъ краткіе слоги по большей части замѣняются долгими, напр. такъ:

tawil 0 | 2 0 0 | 2 2 0 0 | 2 2 2 2 | 2 0 0 | 2

Но въ Ведахъ гораздо чаще встрѣчается строфа ануштуб', стихъ которой построенъ на слѣдующемъ ритмѣ:

0 2 0 | 2 0 2 0 | 2 0 2 0 | 2 0 2 0 | 2 ($\frac{6}{8}$),

лежащемъ въ основѣ и наиболѣе употребительнаго у Индійцевъ размѣра ѣбка. И представляется вѣроятнымъ, что стихъ триштуб' произошелъ изъ стиха ануштуб' путемъ отсѣченія первой «стопы» (пāда), т. е. первой восходящей ямбической диподіи, при стяженіи послѣдней долготы перваго полустішія съ первой краткостью второго и предпослѣдней долготы второго со слѣдующей за нею краткостью въ равныя имъ по длительности полустішія долготы (тримѣтра) и при разложеніи первой долготы второго полустішія на двѣ краткости, или, говоря проще,

0 2 0 | 2 0 2 0 | 2 0 2 0 | 2

укорочено и стянуто изъ

(0 2 0 | 2) 0 2 0 | 2 0 2 0 | 2 0 2 0 | 2

Размѣры перваго Халилева круга произошли, по видимому, изъ усѣченного восходящаго іоническаго диметра ($\frac{6}{4}$)

0 0 | 2 2 0 0 | 2 (2)

съ пропускомъ паузы въ различныхъ сочетаніяхъ съ отрѣзками этого стиха. Если такъ, ни Индійцы, ни Арабы не дошли прямо до пропуска безударныхъ слоговъ между ударяемыми, а въ тѣхъ стихотворныхъ размѣрахъ, въ которыхъ этотъ пропускъ или соответствующее ему стяженіе (—вмѣсто 0 0) составляетъ необходимую принадлежность ритма, такое нарушение плавности ритмическаго хода наступало нѣкогда лишь случайно, то тамъ, то здѣсь, а лишь впоследствии было закрѣплено обычаемъ въ качествѣ по-

стоянной черты данного размѣра, какъ у Грековъ такъ называемый пентаметръ или элегическій стихъ

2 0 0 | 2 0 0 | 2 (0 0) | 2 0 0 | 2 0 0 | 2 (0 0)

по своему происхожденію есть не что иное, какъ одно изъ случайныхъ видоизмѣненій того стиха, котораго болѣе полный видъ называется гексаметромъ или героическимъ стихомъ —

2 0 0 | 2 0 0 | 2 0 0 | 2 0 0 | 2 0 0 | 2 0 0

На основаніи сказаннаго о вѣроятномъ происхожденіи стиховъ триштуба и Халилева перваго круга можно, казалось-бы, предположить, что турецкій 7-сложный стихъ возникъ изъ восходящаго ямбическаго

0 0 0 | 0 0 0 | 0 0 0 | 0 0 0 | 0 0 0 | 0 0 0

который, какъ мы видѣли выше, въ самомъ дѣлѣ встрѣчается у Турокъ. Но противъ такого предположенія говорятъ слѣдующіе факты: 1) этотъ стихъ, какъ было замѣчено тамъ-же, развился, по видимому, изъ 7-сложнаго, и при томъ почти только у южныхъ Турокъ; 2) онъ никогда не мѣняетъ своего движенія на трохаическое, да и не можетъ измѣняться такимъ образомъ по той причинѣ, что при трохаической разстановкѣ ритмическихъ удареній послѣдній его слогъ оставался-бы безъ ударенія, чтѣ, говоря вообще, противорѣчить турецкой просодіи, а ямбическо-трохаическій 7-сложный стихъ очень часто становится трохаическимъ. То-же слѣдуетъ замѣтить и о 12-сложномъ стихѣ по отношенію его къ 11-сложному. Остается поискать другого объясненія, хотя-бы для того пришлось ограничиться чистой гипотезой. Да иное объясненіе едва-ли и возможно, потому что вопросъ о пра-турецкомъ стихѣ необходимо ведетъ насъ къ эпохѣ доисторической.

Теорія урало-алтайскаго единства въ послѣднее время сильно поколеблена, но, каковою-бы ни оказалась ея дальнѣйшая судьба въ наукѣ, нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, ни морфологической аналогіи между финно-угорскими и турецкими языками, ни древнихъ и близкихъ взаимныхъ соприкосновеній между говорящими на нихъ народами. Одинъ изъ древнѣйшихъ, если не самый древній, стихотворный размѣръ Финновъ и Угровъ есть нисходящій четырехстопный или, точнѣе, двухстопный ($\frac{4}{4}$) трохаическій стихъ, котораго, такъ сказать, идеальная схема представляется въ слѣдующемъ видѣ:

0 0 0 0 | 0 0 0 0 |

напр. на языкѣ суоми (съ аллитераціей):

panin aitan	parven päähän,
kukkarohon	kultasehen,
rasiahan	rautasehen,
vaskisehen	vakkasehen,

на малярскомъ:

nézz ki, rózsám,	ablakodbul;
most búcsúzom	városodbul;
nézz utánam	keservesen:
vagy látsz többen	vagy soha sem,

гдѣ три случая нѣкотораго противорѣчія между удареніями ритмическимъ и грамматическимъ (всегда на первомъ слогѣ) исправляются въ выговорѣ, особенно при пѣніи, отчасти подчиненіемъ трехсложныхъ и двусложныхъ словъ предшествующимъ словамъ односложнымъ, отчасти долгою ритмически ударяемыхъ слоговъ. Въ большомъ ходу этотъ размѣръ, хотя со многочисленными погрѣшностями противъ согласія обоихъ родовъ ударенія, еще въ наши дни у народа, говорящаго теперь на славянскомъ языкѣ, но ведущаго свое происхожденіе отъ Угровъ, — у Болгарь, отъ которыхъ, вѣроятно, онъ и перешелъ къ Грекамъ и къ Сербамъ, предпочитающимъ впрочемъ свои, отличные отъ него размѣры. Тотъ-же стихъ есть и у Монголовъ, но, судя по сборнику А. Д. Руднева «Мелодіи монгольскихъ племенъ» (въ «Сборникѣ въ честь семидесятилѣтія Гр. Н. Потанина»), онъ употребляется у нихъ безъ примѣса другихъ размѣровъ только въ 4-стишныхъ строфахъ безъ словъ, напр. № 96^b; иначе за нимъ слѣдуетъ укороченный стихъ того-же ритма, напр. (№ 31, по напѣву):

˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ |
 хабор чактор чоклараксан
 ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ |
 хамок сібогай

и т. д., что напоминаетъ складъ малорусской пѣсни

ой, летѣла зозуленька
 через поле, гай.

Наличность трохаяческаго 8-сложнаго стиха у Монголовъ кажется въ данномъ вопросѣ тѣмъ важнѣе, что у нихъ есть и 7-сложный стихъ, правда, исключительно трохаяческій, но по особенностямъ употребленія очень близкій къ турецкому, напр. въ слѣдующемъ четверостишіи (№ 32, по напѣву):

˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ |
 муцкон, муцкон білчогай
 ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ |
 мацнайн тѣре ціргіцо;
 ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ |
 магат міну Ніңгарні, Ніңгарні,
 ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ |
 муңке хайралаксан чі.

Впрочемъ принудительнаго значенія всё эти сравненія, конечно, имѣть не могутъ, потому что противъ этого четверостишія можно выставить хоть пресловутое

Чижикъ, чижики, гдѣ ты былъ,

а противъ 8-сложнаго монгольскаго стиха — такой-же испанскій. Но оба эти размѣра такъ естественны и просты, что для предлагаемой ниже гипотезы можно было-бы обойтись и безъ приведенныхъ сравненій, которыя и помѣщены здѣсь больше въ качествѣ матеріала на всякій случай, нежели въ видѣ доказательства. И такъ, если 8-сложный трохайскій стихъ по своей простотѣ является у чуждыхъ другъ другу народовъ помимо взаимнаго родства или вліянія, вопросъ заключается прежде всего въ томъ, согласовался-ли этотъ стихъ съ физическими свойствами турецкихъ языковъ на столько, чтобы когда-либо могъ занять у Турокъ мѣсто господствующаго стихотворнаго размѣра. Съ точки зрѣнія всёхъ извѣстныхъ намъ турецкихъ языковъ на этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно, потому что свойственное этому стиху женское окончаніе не можетъ быть осуществлено ихъ средствами иначе, какъ при помощи односложныхъ энклитикъ, напр. кылур-ман, кыла-дур, кыл-ма, что слишкомъ искусственно для народной поэзіи. Но въ эпоху пра-турецкую, къ которой, по видимому, восходить даже 7-сложный ямбическо-трохайскій стихъ, не говоря уже о лишь предполагаемомъ 8-сложномъ трохайскомъ, дѣло должно было обстоять иначе, такъ какъ исходящая отъ корня гармонія звуковъ, общая всёмъ турецкимъ языкамъ и потому, очевидно, унаследованная ими отъ пра-турецкаго, могла возникнуть только при главномъ удареніи на корнѣ. Въ ближайшемъ къ пра-турецкому языкѣ, монгольскомъ, по наблюденіямъ Шмидта, Рамстедта и Руднева, главное удареніе и теперь падаетъ на корень, и эти наблюденія вполне подтверждаются ритмическимъ складомъ монгольскихъ пѣсень. При такомъ удареніи напр. османская пѣсенка

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ бен шу дабы	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ геце гечтѣм,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ejlenđim,	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ сују ічтѣм

(хотя поется она, можетъ быть, вдвое медленнѣе, въ $\frac{4}{4}$) звучала-бы — по восстановленіи древнихъ формъ —

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ бѣн шу табы	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ кечѣ кѣчтѣм,
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ аѣгулѣндѣм,	˘ ˘ ˘ ˘ ˘ сувы ічтѣм,

т. е. въ ритмическомъ отношеніи такъ-же, какъ выше приведенные финно-угорскіе образчики, а османская-же

Истамболун сокаклары
таштан гечімес

представляла-бы полную параллель къ упомянутой монгольской. Съ такимъ удареніемъ 8-сложный трохайческій стихъ былъ для Турокъ столь-же естественъ, какъ для Финновъ, и естественнѣе, чѣмъ для Испанцевъ, у которыхъ удареніе очень часто падаетъ на конечный слогъ.

Но удареніе на корнѣ было свойственно пра-турецкому языку только въ древнѣйшую эпоху его существованія, а къ тому времени, когда онъ готовился къ распаденію на отдѣльные языки, удареніе въ немъ по большей части уже успѣло передвинуться на концы словъ. Какъ эта перемѣна должна была отразиться на бывшемъ до тѣхъ поръ въ употребленіи 8-сложномъ трохайческомъ стихѣ? Прежде всего пришлось, конечно, отсѣчь его послѣдній слогъ, какъ безударный, вслѣдствіе чего 8-сложный стихъ превратился въ 7-сложный. Впрочемъ это укороченіе могло произойти или кое-когда происходить еще до переноса ударенія на конецъ, такъ какъ въ языкѣ, ударяющемъ первый слогъ, есть ударяемая односложныя слова и кромѣ того всѣ трехсложныя слова образуютъ дактили, имѣющіе обыкновенно болѣе или менѣе сильное второстепенное удареніе на концѣ. Примѣры того и другого можно видѣть въ приведенномъ выше монгольскомъ четверостишіи. Но переносъ ударенія на концы слова потребовалъ перемѣны и въ первой половинѣ стиха, передъ цезурой, — перемѣны нисходящей трохайческой диподіи въ восходящую ямбическую. При такомъ удареніи монгольское

ман а нохој зулуге

или мадярское

ez a pohár bujdosik

получать какъ разъ тотъ самый ритмъ, въ которомъ сложена напр. алтайская пословица (г. I, № 75):

ыңыр чыңыр амыр чак,
ат кулакка амыр jok;
әкі жаман табышса,
әл кулакка амыр jok,

т. е. именно тотъ, который для обще-турецкаго 7-сложнаго стиха несомнѣнно слѣдуетъ признать древнѣйшимъ.